

Отставим на миг вопрос о том, безумнее ли будет относиться к людям как к вещам или к вещам как к людям, ибо предельно ясно, что из этого большая бессмыслица. Поэтому я пропущу всё, что произошло после этого. Итак, прошло некоторое время.

Я был в одной больнице в пригороде Киото. Я восстановлюсь через неделю — такой прогноз дали врачи. Как получилось на самом деле, я не стану рассказывать. Скажу одно: если слабый захочет сразиться с сильнейшим, то ему придётся заплатить за это. Но если такой ценой является лишь пара сломанных рёбер, то для меня это будет выгодная сделка. В начале следующего месяца мне нужно будет отправиться в поездку с Кунагисой, поэтому я буду счастлив, если меня выпишут до неё.

Жизнь в больнице не особо скучная. Я только что начал читать ту книгу, которую Миико одолжила мне до приезда Айкавы-сан, и мне неважно, где я буду читать, если мне будет где вытянуть ноги и поспать. Иначе это место будет для меня ненормальным.

Айкава-сан пришла ко мне за день до моей выписки. В этот раз она не постучала. Похоже, её личный бзик на стуки закончился. Она носила тот же ярко-красный костюм, что и всегда, но я не могу сказать точно, был это новый костюм на ней или у неё гардероб забит его копиями.

— Прив-е-е-ет. Извини, что не выходила на связь и заставила тебя ждать! Ты только позови меня, и я даже Бетховена с того света подниму! Чёрт, личная комната? Тут без господина Толстосума не обошлось.

— Я терпеть не могу спать в одной комнате с каким-нибудь незнакомцем, вот и всё. Одна лишь мысль о том, как посторонний будет смотреть на то, как я сплю, меня будоражит. Да, это не дёшево, но что ещё тут можно поделать?

— Хм-м-м. Ладно. У меня для тебя отличные новости, — сказала Айкава-сан, спокойно бросая конверт на кровать. Толстый конверт. Мне не нужно было спрашивать, что внутри него. — Вот твоя доля за твою помощь.

— Спасибо, Дзюн-сан, но мне не нужны ваши деньги. Учитывая, кто такая Химэ-тян, я не думаю, что вы много заработали, так что оставьте их себе.

— Всё такой же стоичный. Но подобное нужно делать подобающим образом. Поговаривают, что у человека без денег может не быть и головы, смекаешь?

— И что? Кому не всё равно на голову? Её ведь и так отрубят или задушат, или повесят на потолке. Я более чем уверен, что это выражение означает, что не в деньгах счастье.

— Ха. Да ты только посмотри на себя, скромный пастух. — Злобно посмеявшись, Айкава-сан села в раскладной стул, который поставили для гостей. Я ни на миг не поверил, что она хотела быть моим гостем, но я не мог не сказать ей, чтобы она не садилась. — Но заставить тебя приняться за работу и не отдать тебе что-нибудь за неё шло бы вразрез с моими моральными устоями. Посмотрим. Ладно, я поняла, я повторю Хикари в компрометирующей позе.

— Пожалуйста, не надо.

— Ох, нет, остановись! Только не это! Прошу тебя, я не могу больше! Остановись, я сказала!

— Это вам тут нужно остановиться!

— Так ты разозлился! — Даже Айкава-сан удивилась этому. Она стала и подняла руки. — Ух,

ничего себе. Ладно, я виновата. Я не поняла, что она для тебя настолько священна... Прости. Прошу, прости меня. Я была не права. — Она извинилась голосом Маки. Она уже в край охренела.

— Зачем вы здесь?

— Просто так. Разве ты не надеялся на то, что я приду? В конце концов, ты всё такой же невежда, как и раньше. Поэтому я пришла выслушать тебя.

— Ага... Ну, я взял за правило не лезть глубоко в то, что может оказаться плохим известием. Но я всё равно спрошу. — Всё ещё не зная настоящих намерений Айкавы-сан, я начал: — Так что стало с Химэ-тян?

— И сразу начинаешь со сложного вопроса, приятель? Лады. Вот что произошло с Химэкти. — Без каких-либо вопросов Айкава-сан взяла яблоко из моей корзинки с угощениями и надкусила его. — Тот шокер сделал своё дело. Она всё забыла, и сейчас она в тайной больнице.

— Хм...

— Её тело тоже пострадало. Оно и так начало изнашиваться благодаря тренировкам, которым она подвергалась там, а тут сверху на неё ещё наложились ожоги по всему телу. Тем пальцам, которые были напрямую соединены с нитями, конкретно так досталось. Удар по ним был смягчён её перчатками, обшитыми семью слоями изоляции, но держать палочки она вряд ли сможет, если она хотя карандаш сможет удержать. Ты ведь знаешь там, ну, закон Ома, закон Джоуля и прочие законы?

— То есть будут долгосрочные последствия у этого, хм—

И это несмотря на то, что Айкава-сан притащила тот шокер, чтобы без вреда для Химэ-тян вырубить её. Но досталось её не слишком сильно, как если бы она получила прямой удар.

— Из-за этого всё стало гораздо сложнее, — сказала Айкава. — Лишившись воспоминаний, она наверняка забыла, как убила Ноу Оригами и остальных, не говоря уже о Сиоги Хагихаре и Тамамо Сайдзё... А также вполне возможно, что она забыла вообще всё о «Старшей школе висельников». И она не сможет воспользоваться «Зигзагом», пока её пальцы не восстановятся. Ты ведь понимаешь, что это значит?

Я тут же понял, что именно по этой причине она сняла ограничитель с шокера: чтобы на время запечатать эту технику, а также ужасные воспоминания, связанные с ней. Но это, может быть, всего лишь нарративное предположение.

— Будет непросто, — продолжила Айкава-сан. — То, что она ушла, ничего не значит. Люди, связанные с убитыми ей, так всё не оставят. Семья Оригами, «Правило», они на всё готовы, чтобы найти того, кто это сделал.

Потому лишь, что преступник забыл о преступлении, он не станет невиновным, и это значит, что она не сможет уйти безнаказанной. Куда бы она ни пошла и какие бы у неё ни были оправдания, она будет нести ответственность за свои действия. Само собой.

— К тому же мне кажется, что ты бы перестал меня уважать, если бы я «сделала вид, что ничего не произошло» и позволила Химэ-тян уйти.

— Я ожидал услышать от вас что угодно, но не это. Вам вообще не всё равно на то, как на вас

будут смотреть люди, Дзюн-сан?

— А? Будь ты всего лишь очередным человеком, мне было бы плевать. — Она скорчила неприятную ухмылку. Я не знаю почему, но мне показалось, что она насмехается надо мной, поэтому я только пожал плечами и задал другой вопрос:

— А как всё в итоге сложилось?

— «Старшут школу висельников» своевременно закрыли, как на то и надеялась Итихимэ. Ученицы... интересно, что с ними станет. Этот вопрос ещё не решён. И пока что никто не знает, что мы там втроём устроили.

Теперь я сообщник?

— Насчёт этого не переживай: у меня есть ещё пара тузов в рукаве... Семья Оригами должна мне, так что с ними мы уже разобрались. Но «Правило» всё ещё представляет нам угрозу. Тебе о них думать не нужно: тебя они не тронут. Но Итихимэ... Я хочу отвести их от её следа, но я ещё думаю, должна ли я это делать.

— Так даже вы порой сомневаетесь, Дзюн-сан.

— Конечно. Не очень-то мне и хочется, чтобы они пришли. Её воспоминания могут вернуться, а пальцы — зажить. Также я знаю, что мне не стоит лезть так глубоко. Если бы она попросила меня утаить убийства от них, то это был бы уже другой разговор.

Наверно, она не попросила об этом потому, что она не могла полностью доверять Айкаве-сан. И это не было виной ни Айкавы-сан, ни Химэ-тян. Видится мне, что Химэ-тян просто не могла доверять другим, как и я. Но она всё равно искала в них помощь, и, как в этой ситуации, она состряпала непродуманный план и запуталась в собственных сетях. Но вполне возможно, что так вышло не из-за её страха и трепета, а из-за тоски и тщеславия.

— Но почему Химэ-тян хотела убить Директора... нет, хотела закрыть академию? Чего она вообще хотела?

— Сперва я должна перед тобой за кое-что извиниться. — Айкава-сан придвинула стул поближе ко мне и наклонилась. — Перед тем как приехать, я сказала: «Насчёт деталей спроси Итихимэ... она сможет тебе всё объяснить.» Я солгала, прости.

— Это точно была ложь.

Чтобы понять это, нужно было лишь минуту поговорить с ней. Химэ-тян была полностью не способна понятно что-либо объяснить. Какими бы враками и правдой она не прикрывалась, это я мог сказать точно.

— Начнём с того, что её японский оставляет желать лучшего. Она ни за что не смогла бы что-либо объяснить.

— Я решила, что ты лучше справишься, если не будешь знать деталей. Я не ожидала того, что Итихимэ тебя обманет... Она рассказала тебе, почему она так плохо разговаривает?

— Посмотрим. Она говорила, что выросла в Америке.

— Да? Но причине не в этом. — Айкава-сан постучала пальцем по моему виску. — Её лобная

доля. Апостериорная травма её языкового центра.

— ...

— Ты знаешь, что делает лобная доля? Эта часть мозга управляет личностью, это отвечает за способность взаимодействовать с окружающими. Эта часть мозга Итихимэ была повреждена. Поэтому у неё проблемы с речью. Она даже не понимает этого, когда она ошибается.

— Распознавание...

Распознавание языка.

Хотя, нет. Может, центр речевого аппарата?

— Из-за этого разговоры с ней всегда начинают съезжать с тему в какой-то момент. Как если бы японец и китаец разговаривали бы между собой на корейском. Как-то зигзагообразно. — Айкава-сан хихикнула. — Поэтому я уверена в том, что мы никогда не узнаем настоящий мотив Итихимэ, даже если мы спросим у неё об этом, поскольку любое взаимопонимание для неё сложно. Для нас на веки вечные останутся загадкой её мысли.

— Но так, наверно, обо всех можно сказать?

Любые два человека не смогут полностью понять друг друга. Всё упирается в то, сможешь ли ты убедить себя в том, что ты можешь, а не навязать себе веру в то, что что-либо возможно.

— Верно, — кивнула Айкава-сан. — Поэтому мне придётся опираться на свои догадки, чтобы выдвинуть расплывчатые предположение. Мне кажется, что она всё продумала. Она вовлекла меня во всё это, пристроив меня к себе и пустив мне пыли в глаза. Сперва она разобралась с Директором и всеми остальными сотрудниками, прежде чем забить тревогу... О, кстати, в учительской нашли целую кучу расчленённых трупов. Примерно тридцать семь человек.

— ...

Я уже знал, что она убила их, но услышанного числа убитых, произнесённого в открытую, хватило, чтобы у меня дыхание спёрло. Тридцать семь человек. Вместе с Сиоги, Тамамо и Ноой Оригами получается сорок. Мистер Неполноценный даже трети от этого числа не убил за прошлый месяц.

Если говорить честно, то у меня исчезает способность делать здравые суждения, когда число жертв переваливает за дюжину. И наоборот, у меня даже появилась некоторое восхищение Химэ-тян за то, что она смогла провернуть это в таком закрытом пространстве, как школа, и это совершенно неуместно.

Один человек в запертом кабинете Директора, тридцать восемь — в запертой комнате в здании администрации и всего сорок в запертой «Старшей школе висельников».

Запертое пространство. Невозможно снаружи сказать, что происходит внутри. Потому что там была бойня, потому что там была изолированная бойня.

Наверно, всё прошло гладко.

Запертые комнаты на то и запертые, что они закрыты, но, может быть, всё могло сложиться по-другому, если учесть, что их могли закрыть либо чтобы держать там что-то, либо чтобы никто

туда не вошёл.

Вот почему это произошло, почему она это сделала. Можно ли оправдать такое поведение?

Сможешь, мистер Дефективный?

— Её «Зигзаг» изначально предназначался для контроля над толпой. Эта техника используется для обездвиживания людей, а не для убийств. Нечто вроде нити всегда намного эффективнее верёвки, когда нужно кого-то связать. Поэтому она их обездвигила, а затем расчленила бензопилой. Та-а-ак, что же ещё? Она воспользовалась рацией, чтобы связаться с Хагихарой через частоту Директора, и сообщила, что «Итихимэ Юкарики сбежала». Её план раскрыли примерно тогда, когда ты проник в школу, а не потому, что она облажалась. Она сама всё раскрыла им.

— Она ожидала увидеть вас.

— Но я отправила тебя первым. И с этим Итихимэ справилась хорошо... но это подвергло её планы опасности. Она не могла воспользоваться «Зигзагом» перед тобой, поэтому её и схватили, когда вас застали врасплох.

Именно... поэтому Химэ-тян настаивала на том, чтобы мы остались в кабинете? Но я уже начал действовать, даже когда она пыталась запретить мне что-либо делать. Она меня определённо не ожидала.

— И я пошла поболтать с Директором, как она и предполагала... Так случилось бы в любом случае, с тобой или без тебя. Поскольку о её побеге уже было известно, то я с большим рвением, чем если бы это не вскрылось, побежала к кабинету Ноы. Ха-ха, эту мелкая паскуда прочла мои мысли.

— Получается, Химэ-тян может копировать чужие голоса и читать мысли.

— Да. Но она не была моей ученицей или типа того. Итак, мы были вместе — и это важно, — когда мы нашли тело Директора. После этого она смогла бы прикинуться жертвой, на которую повесили преступление.

— Но это же опасно...

— Эта опасность, как мне кажется, сыграла на руку и Итихимэ. Как и прятки под партой. Чем больше подобного она делала, тем меньше я подозревала её. Но у меня была мысль, что способ убийства Ноы походил на то, как убивает «Зигзаг»... но, может быть, это сделал подражатель? У меня были все виды догадок, на которые можно было убить время.

— Так вы знали о «Зигзаге».

— Ага. Я ничего не рассказывала тебе об этом, поскольку Итихимэ, видимо, хотела удержать это в тайне. Если не говорить о том, что это был её козырь, то я не думала, что она хотела, чтобы об этом узнали все. Но как ты понял, что она ткач? На это указывала смерть Тамамо, но убийцей директора мог оказаться и кто-то другой.

— У меня в голове всё это как-то разом сошлось, как по цепной реакции. Думаю, стоит мне до чего-то додуматься, как тут же всё сложится. Такой я, наверно, человек: в единстве всё, и всё в единстве. И наоборот, я ничего не пойму, пока не додумаюсь... Но что-то всё это

спровоцировало. Химэ-тян пыталась замести следы, но мне показалась неестественным то, что кто-то, кто не является ткачом, носит с собой все эти нити. Возможно, ей пришлось воспользоваться нитями, чтобы убить Тамамо, пока я не понял, что это сделала она, ибо другого выбора у неё не было... Но это всё равно было опрометчиво.

Но, наверно, тогда она просто не восприняла меня всерьёз. В таком случае я должен признать, что она всё-таки не была сумасшедшей. Если бы я не оттолкнулся от решения загадки запертой комнаты, то я бы вряд ли когда-либо додумался до этого.

— Ещё я обратил внимание на то, что Сиоги была чересчур осторожной. Её «тактика» была слишком хорошо продуманна, несмотря на то, что она боролась с якобы растяпой. Если она растяпа, то почему тогда нельзя было просто положиться на свой личный состав? Ответ очевиден: пытаться остановить «Зигзаг» толпой — самая плохая стратегия из всех.

— Хм-м-м.

— Ещё... мне показалось странным то, что растяпа попыталась огреть единственную и неповторимую Дзюн Айкаву. Даже носитель бессмыслицы, то есть я, не захотел бы сделать сильнейшую в мире своим врагом, а обычная «Итихимэ Юкарики» — и подавно, даже если бы она стала моим другом. А «Зигзаг» — единственная оставшаяся роль в списке, которую она могла бы исполнить.

И, помимо прочего.

Самая важная улика пришла ко мне благодаря одному простому убеждению: ни один из окружающих меня персонажей не мог оказаться лишь милым или слабым или ущербным.

— Вот тебе и ответ. Но та часть про растяпу не совсем ложь, знаешь ли. И в отрыве от того умения... за ней больше ничего не было.

— Конечно, факт того, что вы об этом знали, указывает на то, что «Зигзаг» — умение, которое она освоила ещё до поступления в академию... не так ли, Дзюн-сан?

— А вот тут ты меня подловил. Дело было пять лет назад. У меня был друг по прозвищу «Зигзаг», неудавшийся ткач. Это не было комплиментом, понятно? Неважно. Мы вдвоём выполнили одну работёнку вместе. Тогда мы спасли двенадцатилетнюю Итихимэ Юкарики... и с тех пор мы были для неё примерами для подражания. Я не очень много внимания уделяла ей, но...

«Именно тогда она и получила травму лобной доли мозга?» Но я хотел задать не этот вопрос. Сейчас я мог задать лишь один вопрос.

— А этого человека случаем не Юма Сисэй звали?

— Что? — удивлённо посмотрела на меня Айкава-сан. — Ты знаешь о ней? О ней мало кто знает.

— Нет... не особо. И она...

— Да. Она была наставницей Итихимэ, — цинично улыбнулась Айкава-сан. — И бывшим преподавателем в «Старшей школе висельников». Благодаря этому Итихимэ пошла в среднюю школу, связанную с тем местом, и так мы оказались в этой ситуации. А теперь обратно к той теме. Где я там остановилась? Точно, на её решении стать нашей подозреваемой. Повторюсь,

она догадалась сама, что даже при закрытой двери я смогу найти способ войти... Чёрт, а она всегда была увёртливой малявкой. Ты лучше меня знаешь, что было потом, так что думай сам.

— Она не хотела, чтобы мы подумали о том, что это именно она убила Директора... Но что насчёт той горы трупов, которую она оставила в учительской?

— Она наверняка догадалась, что я предположу, что кто-то другой убил и Директора, и остальных, если убийцей была не она. Но именно здесь она перемудрила. Что ещё мне, чёрт возьми, оставалось делать, когда вы оба ушли, кроме как уйти из кабинета директора? Но я решила наведаться с приветом в учительскую. Я спустилась на этаж и... Чёрт, Итихимэ Юкарики была единственной в «Старшей школе висельников», кто смог бы сделать это сам, несмотря на всю ненормальность этой школы.

Именно тогда всё всплыло? Её преступления вскрылись не из-за подозрений, а из-за доверия. И она ни за что не оставила бы учителей в живых. Получается, стратегия Химэ-тян была раскрыта с самого начала.

...Или.

Нет, наверно, всё было не совсем так. Возможно, Айкава-сан не осознала правду до того момента, как она услышала наш с Химэ-тян разговор в коридоре. Что бы она не думала, я более чем уверен, что именно так всё и было.

Такой она человек.

— Какой бы та комната не была, я не могу поверить в то, что она оказалась непрозрачной. И не для кого-то вроде вас, Дзюн-сан.

— Ей нужно было одурачить только меня. Иначе у неё не было бы ни единой причины убивать меня... или нет? от ведь капающая на нервы сука.

— ...Но если бы она не вызвала вас в школу, то вы бы никогда не узнали об этом. Врать вместо того, чтобы хранить секрет, который может и не раскрыться... Поговорите ещё о «попадании в собственную паутину».

— Дело в том, что, когда она стала ученицей Сисэй, она пообещала, что не никогда убивать «Зигзагом».

— Но эта техника... эм. Она ведь изначально должна была сдерживать людей в целях самообороны?

Так вот почему ей пришлось скрывать правду от Айкавы-сан. Возможно, не только поэтому, но это что-то да объясняло. Мотив для убийства всегда является запутанным клубком из нескольких нитей. Тяжело описать это словами... но мне думалось, что можно спокойно сказать, что одной из них была наставница Химэ-тян, Юма Сисэй, а другой — Дзюн Айкава.

— Но академия не позволила бы ей сдержать то обещание. Именно поэтому ей никогда не стоило идти в ту школу. Она уже мертва, так что оставь её... тупица.

Но Юма Сисэй знала, что произойдёт.

— Но когда я думаю о Директоре или Сисэй, я не то чтобы не понимаю этого. Знаешь, забей, я этого не понимаю.

— Но... Я просто скажу это, Дзюн-сан: вы слишком мягки. Где тогда была ваша способность читать мысли? Точнее, чьих ещё рук делом могла быть та запертая комната, если не Химэ-тян—

— Ты сам-то не сразу понял это.

— Но я ведь всего лишь некомпетентен в таких делах.

И это дело вообще было не моим.

— Ага. Не хочу звучать как Маэда Кэйдзи Тосимару, но для меня доверять и быть преданной гораздо лучше, чем подозревать и оставаться в безопасности.

В настойчивой улыбке Айкавы-сан не было ни намёка на саморефлексию. Она даже ни о чём жалела, как мне кажется, и не выглядела так, удто её задела.

— Дзюн-сан, вам правда не кажется, что это стоит пересмотреть?

— Вообще нет. Тот факт, что мне не всё равно на Итихимэ, никак не связан с тем, что она сделала. Ха-ха, по этой же причине я вообще не злюсь на тебя за то, что ты хотел нас предать, Ии-тан.

Она знала.

— Ах, вы скользкая тварь. Вы отвлекли Итихимэ в тот момент, когда вашей жизни что-то угрожало. Тогда почему бы не пойти жить со мной? Какого хера? Вы её пятью минутами ранее предали.

Она знала всё.

— Я... не собиралась предавать её.

Как итог, «мягкость к своим друзьям» со стороны Айкавы-сан исходил из переоценки остального мира с её стороны. Будучи лучшей из лучших, она не могла понять такие вещи, как наша с Химэ-тян слабость. Даже если бы она это поняла, она не смогла бы это принять.

— Мягка я или нет, я не могу оставить за скобками её чувства. Всякий дошёл бы до такого, если бы застрял в школе резни вроде «Старшей школы висельников». Кто угодно сделал бы то, что сделала она. Так уж вышло, что Итихимэ была единственной, кто смог бы это сделать, только и всего.

— Кто смог бы...

— Её маленькое тело — свидетельство её трудного детства. Оно даже тридцати двух килограммов не весит. Ты дружишь с Кунагисой, так что ты должен это понять, хотя их обстоятельства слегка разные.

— ...

— Я не говорю, что ты должен проявить хоть какую-то симпатию к ней, но не вини её лишь за то, что ты ненавидишь людей, похожих на тебя.

— Я не собираюсь в чём-либо обвинять её. Это никакого отношения ко мне не имеет, от и до. Если бы вы меня не потащили в это, то я ничего не узнал про это.

— Я рада, что ты думаешь так.

Что бы там ни было, Химэ-тян вряд ли смогла бы выбраться оттуда без чужой помощи. «Зигзаг» был однозначно полезной техникой, но она в своей основе предназначалась для обороны. Она по эффективности ничем не уступала ножу, если не считать моменты, когда с её помощью можно устроить засаду, как это произошло с Сиоги. Уклониться от «Зигзага», о котором ты знаешь, можно и без способностей Айкавы-сан. Именно поэтому — и да, стратегия Айкавы-сан была такой же, — она в первую очередь ударила в сердце, несмотря на то, что на это могла повлиять условная обида. Просить о помощи у Айкавы-сан после убоя всех членов администрации...

— Но.. это не сходится. Если бы она просто хотела сбежать, то ей было бы лучше всего предоставить всё вам, Дзюн-сан. Этого уже было бы достаточно. Полагаю, ей основной целью всё-таки было убийство Директора. Если смерть человека, в котором она видела наставника, имела хоть какое-то отношение к смене руководства, то весьма вероятно, что она поступила в ту школу с намерением убить её.

— Смерть директора и смена руководства никак не связаны между собой, но мне кажется, что тут ты уже накручиваешь.

Будь это всего лишь убийством, то Химэ-тян справилась бы и сама. Это для побега после убийства нужна была помощь Айкавы-сан. Она получила бы поддержку Айкавы-сан во время побега с места преступления, а после обставила бы всё так, что Айкава-сан ничего бы не заподозрила. Этот план сам по себе был противоречивым, зигзагоподобным, но отражал ли он полностью стратегию Химэ-тян?

— Кто знает? Может быть, она хотела, чтобы я выяснила, что именно она была убийцей. Может, ей было стыдно, и она хотела покаяться, как бы тупо это не звучало?

Вот как... возможно, она действительно хотела сделать всё, чего она хотела, а после заставить Айкаву-сан вынести ей приговор. Это звучало так убедительно, что даже кто-то вроде меня с трудом смог бы отбросить эту версию. Если тебя всё равно убьют, то пусть это тогда сделает нечто более сильное, чем ты сам.

Странное желание, порождённое отчаянием.

Нам не приходится выбирать друзей, а потому она хотела хотя бы выбрать врага, который уничтожит её.

— Она обманывала нас, чтобы мы обо всём узнали... но на словах это слишком безрассудно, Дзюн-сан.

— Безрассудно? Какое странное определение.

— Да. Я... не особо его понимаю.

— Я тоже. Возможно, она просто хотела повеселиться со мной напоследок.

Напоследок?

Она не собиралась выживать и не стремилась всё скрыть... Мне тяжело в это поверить, но это ещё не значит, что это не так. Хотя бы потому, что я даже ближе к концу не мог осмыслить чувства Химэ-тян. Точно так же, как я до сих пор не могу понять «её» чувства.

Даже думать об этом бессмысленно.

История проигравших никогда не будет рассказана.

Солдаты умирают на поле боя, а тактики — от удивления. А ткачей ловят в их же паутине.

Именно так.

Химэ-тян не могла заменить «её». Для меня это было ясно. Для того чтобы сломать Кунагису Томо, нужно нечто большее.

— Учитывая, сколько тут гипотез, одна из них должна быть правильной, — сказала Айкава-сан. На некоторое время в палате воцарилась тишина. Она доела яблоко вместе с сердцевинкой и снова потянулась к корзинке. — Эм, ты вот такое ешь?

Она вытащила из корзинки кубик Рубика размером пять на пять. Оно было как яблоко.

— Нет, его оставила Кунагиса, когда она приходила ко мне. Он должен был помочь мне скоротать время, но я не могу собрать его, сколько бы я ни пытался, поэтому я оставил его там.

— Она пришла к тебе? Я думала, что она не может без чужой помощи поднимается по лестнице только дома.

— Она сказала, что ей помог её старый друг «Хи-тян».

— О, так вот почему у тебя такое плохое настроение, Ии-тан... — Айкава-сан, говоря эти слова и не смотря на свои ладони, собрала кубик и положила его обратно в корзинку с фруктами. — Неважно.

Судя по её вроде бы апатичному тону, я понял, что мы дошли до настоящей причины её визита, и приготовился.

— В этот раз я проникла в глубины твоей своеобразной сущности и всё о тебе поняла.

— Моей сущности? Ну, Сиоги назвала меня «неучастником» или как-то так.

— Да... звучит подходяще. Дело в том, что я самую малость жалею об этом. Я имею ввиду вовлечение тебя в это дело. Я думаю, что это было ошибкой. Ты так не думаешь? Если бы тебя там не было, то хотя бы Сиоги Хагихара и Тамамо Сайдзё остались бы в живых. Итихимэ хотела убить как можно меньше «учеников», ибо они были с ней в одной лодке. «Администрация» была там, потому что её члены сами того хотели, но не «ученики».

Сиоги говорила что-то о «лучшем месте для неё», но, думаю, можно спокойно сказать. Что оно было. Просто Сиоги и Тамамо не знали о нём. Они просто не смогли найти другие цели или мотивации. А я просто не смог им дать их, только и всего.

— Но ведь как-то чересчур обвинять меня в их смертях. Это ведь никак не связано со мной?

— Тебя постоянно окружают беспорядки, а люди вокруг тебя постоянно умирают. Ты, как бы так сказать, своим видом выбиваешь людей из колеи. Им становится не по себе. Как итог, они теряют бдительность. Поэтому я и притащила тебя туда, но этот аспект твоей сущности действует не только на врагов, но и на союзников. Итихимэ он тоже задел. Она убила Тамамо, чтобы защитить тебя, а Сиоги — с той же целью, а не потому, что Сиоги «узнала правду». Ты

позволил им схватить тебя, чтобы Химэ-тян смогла сбежать, а Сиоги загнала тебя в угол, словно крысу. Тебе не кажется, что это звучит более правдоподобно? Итихимэ хотела лишь сокрыть своё преступление от меня, её подруги. Но её всё равно бы заподозрили, как только бы трупы всплыли, и не важно, были бы они в запертой комнате или нет.

— Ясно. Значит, на это можно взглянуть и по-другому.

— Тот, кто встряхивает людей одним лишь своим присутствием и сбивает их с толку... Люди вроде тебя далеко не редки. Будучи рядом с кем-то, они их раздражают и пускают все их планы на самотёк... Психология объясняет это «психическими дефектами». Люди, наблюдающие за тобой, имеют схожие недостатки, а потому им кажется, будто им на них указывают, и они от этого заводятся. Кто-то видит в этом любовь, а кто-то — враждебность. Первые хотят посочувствовать тебе, а вторые ненавидят тебя за схожесть с ними. И ты в этом отношении стоишь на вершине. У тебя нет личности, а потому ты ни на кого не похож, но при этом в тебе многого нет, отчего ты похож на всех. И это действует на их подсознания: твоё осознанное бездействие их разрывает. И ты этим умно пользуешься. Ты отгоняешь всё, не имея никакой защиты, и заискиваешь с собой, не имея защиты врождённой. Ты позволяешь людям проходить мимо, отражать, уклоняться, избегать. Ты используешь бессмыслицу, чтобы убежать, отступить, сбежать. Никто не может тронуть тебя, даже будучи взбешёнными, будто рядом с ними призрак или дьявол. Именно поэтому технику начинает шарашить, когда ты к ней подходишь, а в людях что-то щёлкает. То же самое происходило и в апреле, и в мае.

— Я то же самое сказал Сиоги, но... вы переоцениваете меня. — Я медленно качнул головой. — Я ничем не выделяюсь. Я просто слоняюсь без малейшего понятия о том, что происходит вокруг.

— Если в этом и есть что хорошее... — непоколебимо продолжила Айкава-сан, не обращая внимания на мою попытку защититься, — то это отсутствие целей у тебя. Буду откровенна, ты меня слегка пугаешь. Если в тебе проклюётся зерно намеренности... Если ты начнёшь к чему-то стремиться, то тогда, чёрт возьми, кто знает, на что ты будешь способен? Когда это случится, из-под твоего влияния смогут вырваться только люди вроде Дзэродзаки, полностью идентичные тебе. А остальные, отличающиеся от тебя хотя бы самую малость... слетят с катушек, все без исключения. Всё станет гораздо хуже, чем сейчас, ты притянешь окружающих к своей орбите, и тогда бедствия станут повсеместными.

Само собой. Как и раньше.

Когда я уничтожил Кунагису Томо.

— Похоже на завязку хоррора.

Айкава-сан не изменилась в лице от моей шутки—

Она подняла палец...

— Тогда, наверно, неплохой идеей будет убить тебя прямо сейчас.

И опустила его, закончив фразу.

— ...

Ничего— не произошло. Ничего... не произошло.

— Это жестокая шутка.

— Шутка? Ты сказал «шутка»? — наигранно удивилась Айкава-сан. — Точно, точно. Продолжай так говорить.

— ...

— Ха-ха. Если бы ты умер, то кто тогда подготавливал бы сетапы для моих панчлайнов? — Затем, цинично добавив: — Ладно, приятель, я пошла, — она встала, сложила стул и убрала его на то место, где и взяла. Затем она на всякий случай она взяла ещё одно яблоко из корзинки. — До следующего скрещения нитей наших судеб. Пусть тебя в будущем будет ожидать самое великое несчастье и никчёмное оправдание удачи.

Она начала выходить из комнаты.

Свой последний вопрос я сказал ей в спину:

— Почему Химэ-тян—

— Что? Почему Химэ-тян что?

— Как думаете, почему Химэ-тян назвала меня так?

— Да ладно тебе, это не так сложно. Или, — ответила вопросом на вопрос Айкава-сан, — ты не понимаешь, почему она сокрыла тебя правду о «Зигзаге»? Не говоря о проблемах с психикой, она не испытала бы трудностей, если бы ты узнал, что она ткач, но она всё равно до самого последнего притворилась растяпой. Ты не понимаешь, зачем она это сделала?

— Нет, я не понимаю. — Несмотря на то, что я сам задал этот вопрос, я опустил голову и отвёл глаза от Айкавы-сан. — Разве она не хотела, чтобы я недооценил её? Прикидываясь глупой старшеклассницей, она могла без проблем не обращать на себя моё внимание.

— Даже не близко, тупи-и-ица. Ха, в общих чертах, она объединила тебя с господином Кем-То, ни на кого не похожего, а потому напоминающего всех. Она это проецировала на тебя, — ухмыльнулась Айкава-сан. — Точно так же ты проецировал её на Кунагису Томо. Ещё бы о чёртовых незнакомцах в ночи говорить тут.

Так же, как я видел Кунагису Томо в Химэ-тян. Химэ-тян видела во мне кого-то?

— Может, я её ещё когда-нибудь увижу?

— Не переживай. Скоро я снова сведу вас вместе, и отказы я принимать не буду.

И после этих слов частница ушла. Как и всегда, она сбила меня с толку. Конечно, она не занималась тут распутыванием того, что я уже распутал, как обычно, но она оставила мне целый новый пласт сомнений.

Чёрт... Принцесса намёков, Императрица инсинуаций, Её Величество королева предположений. Спасибо большое за то, что вы оставили меня с тележкой двусмысленных и потенциально ложных предзнаменований. С Тамамо было по-другому, но мне бы хотелось указать на то, что причина, по которой Сиоги убили, возможно, была в том, что Айкава-сан ушла переодеться.

— То есть вся эта тема с «отсутствующей личностью» означает, что люди могут говорить всё,

что вздумается? Все ожидают от меня слишком много... Дайте мне уже передохнуть.

И плевать, что я всего лишь девятнадцатилетний интроверт без воображения и идущий на контакт.

Пока я думал над этим, в палату вошла медсестра с подносом с едой. Она будто подошла к двери ровно в тот момент, когда её открыла Айкава-сан. Или это Айкава-сан почувствовала приближение медсестры и сразу же пошла прочь. Да она словно ниндзя.

— Эта деваха с чувством стиля, как у хозяина Стенда, которая только что вышла из твоей палаты? Никогда её не видела раньше. Она приходила в больницу навестить тебя, Ии-Ии? — заинтересованно спросила она, смотря на дверь через плечо. — Она твоя старшая сестра, Ии-Ии? Или двоюродная сестра?

Похоже, она уверена в том, что мы родственники.

— Эм... она моя девушка.

— Что-о-о? — Она даже не пыталась скрыть своё сомнение.

— Видите ли, она по уши влюблена в меня. И это большая проблема, поскольку она врывается ко мне даже здесь. Я надеялся на то, что хотя бы тут, в больнице, я смогу побыть один.

— Да, да. По-о-оняла. — Было очевидно, что медсестра не поверила ни единому моему слову.

— С виду это выглядело по-другому, но она та ещё штучка, когда мы остаёмся наедине. Она сделает всё, о чём я её попрошу.

— Конечно, конечно, коне-е-ечно. Везучий ты пёс. Ии-ии, ты тот ещё альфонс.

Ставя пластиковые тарелки на стол, она добавила:

— Любовь морковь~♪чмоки-чмоки~♪

Да что за херня происходит в этой больнице, раз уж они наняли такую выделяющуюся медсестру? Я начинал злиться (вдобавок к этому я ощутил некоторую усталость), поэтому я решил сменить тему.

— Простите меня, медсестра, а вы читаете детективы?

— Я практикующая медсестра, — поправила она меня. Для меня это звучит примерно как разница между экспертом по тактике и тактическим экспертом, но думается мне, что она была в какой-то степени человеком. — Конечно, я их читаю, *por qua*?

— Потому что настало время для викторины. — Я взял конверт, который Айкава-сан оставила, и продолжил, изучая его содержимое: — Допустим, где-то есть комната. На двери установлен биометрический замок для отпечатка ладони, вследствие чего снаружи её может открыть и закрыть только владелец комнаты. Однажды вы с двумя своими друзьями решили войти в эту комнату. Дверь закрыта, и она не откроется, поэтому вы силой её открываете и внутри находите расчленённое тело владельца комнаты.

— А-а, убийство в запертой комнате. Какие воспоминания. — Медсестра улыбнулась. — Отпечаток ладони... Как у Люпена.

— Итак, как убийца совершил это невозможное убийство?

— Дай подумать. Ага, поняла. Это простая задачка. — Закончив раскладывать мой обед, она повернулась ко мне лицом. — Убийца расчленил тело внутри комнаты, затем взял одну из рук и воспользовался ей, чтобы закрыть комнату снаружи. Расчленение должно было запутать, потому что убийце нужна была лишь одна ладонь. Другими словами, «ключом от комнаты» была лишь ладонь, а сразу после смерти биометрический замок ещё мог среагировать на отпечаток, будто он принадлежал ещё живому человеку. Хи-хи, как на руку помощи.

— ...

— Ты был бы потрясён, увидев перед собой расчленённое тело, а потому ты бы не сразу понял, что чего-то не хватает. Да. Следовательно, убийцей будет кто-то из тех трёх, кто нашёл тело. Им ведь должен быть последний, кто вошёл в комнату? Он мог бы вытащить отрезанную руку из того места, в котором он её спрятал, и положить её в углу комнаты, пока двое других были бы ещё ошарашены видом расчленённого тела. Какой невероятный трюк.

— ...

Слушая ответ медсестры, я не отводил глаз от содержимого конверта: множества пачек денег и одной фотографии. Это была фотография, которую Химэ-тян наверняка вытащила из карманов моей одежды вместе с картой школы.

На фотографии улыбка Химэ-тян была искренней.

«Скоро я снова сведу вас вместе—»

Теперь я понял, госпожа Частница.

Вы достали мой чёртов номер, не так ли? Вы отлично понимали, что делали.

Я не знаю, что ощущала Химэ-тян, когда забирала её. Не знаю, но у меня есть предположение. Это что-то вроде мemento. Воспоминание о первой встрече Айкава-сан и Химэ-тян. Воспоминание о прошлом, которое, в отличие от будущего, никогда не будет многообещающим.

— Что? Значит, я тут распинаюсь в твоей глупой викторине, а ты просто сидишь и пялишься на какую-то фотографию так, будто ты хочешь съесть её, а не еду, которую я принесла? А кто на ней, Ии-Ии? Твоя девушка?

— А она похожа на мою девушку? — Кто я в её глазах, чёрт возьми? — Нет. Она... всего лишь друг.

— Ты с такой нежностью в глазах смотрел на неё. Как смотрят на дочь или ученика.

— Правда? Наверно, да.

Кража фотографии была настоящим трюком Химэ-тян, который никак не относился к преступлению или убийству. Поступок без злого умысла. Химэ-тян хотела забрать её, поэтому она это и сделала. Тогда ей пришлось бы прийти ко мне и отдать её. Я не знал, где она или чем она сейчас занимается, как и не знал, что Айкава-сан собралась делать с ней... Но в таком положении сдаться и признать, что меня одурачили, было не так уж и плохо.

Химэ-тян ни за что не смогла бы занять её место, но даже так мне всё равно хотелось научить её многому.

Да. Например, как пользоваться бессмыслицей.

Химэ-тян нужен был плохой пример в виде такого человека, как я.

— Хм. Неважно. Мне это не интересно. А что насчёт моего ответа? Я правильно ответила? Ну же, Ии-Ии, скажи уже что-нибудь, — с интересом посмотрела на меня медестра.

Я равнодушно отмахнулся, прежде чем ответить: мне и так не нужно было говорить, права она была или нет. Неважно, насколько мир огромен—

Ведь в нём есть лишь один человек, который слишком мягок, чтобы дать ответ на эту простую загадку.

Сильнейшая в мире дура.

— Вы совершенно не правы. Какой человек в здравом уме будет подозревать своих друзей?

— А ты полон говна.

— Может быть.

<http://tl.rulate.ru/book/4792/4427301>